

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГОГОЛЯ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

1

История персидской литературы середины XIX и первого десятилетия XX в. связана с развитием закавказских литератур — азербайджанской, армянской и грузинской, — в свою очередь испытавших на себе благотворное влияние русской литературы и ее корифеев — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого, Чехова, Горького и других замечательных русских писателей.

Комедия Гоголя «Ревизор», еще не будучи переведена на персидский язык, уже начала жить в персидской литературе благодаря переводам на персидский язык комедий Мирзы-Фатали Ахундова, выдающегося азербайджанского писателя.¹ Нельзя не остановиться хотя бы вкратце на некоторых вопросах, связанных с историей написания комедий Ахундова. Как он сам указывает, его комедии были вызваны к жизни русским театром и были написаны в период с 1850 по 1853 г. Официальной датой возникновения русского театра в Тбилиси, где жил и работал Ахундов, является 20 сентября 1845 г. В репертуаре театра в пятидесятых годах были «Горе от ума» Грибоедова, «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя, «Не в свои сани не садись» Островского и другие пьесы русского классического репертуара, имевшие наибольший успех у зрителей. Так, в сезон 1855—56 г. было дано 95 пьес и среди пьес, наиболее замечательных по содержанию и успеху, на первом месте стоят «Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя.² Ахундов

¹ Как известно, комедии М. Ф. Ахундова сначала вышли в Тбилиси на русском языке (1853), а затем на азербайджанском языке (1851), с которого они и были переведены на персидский язык. Многочисленные переводы комедий Ахундова имеются на всех европейских языках. Библиографию см. в книге: акад. А. Крымский. Персидский театр звідки він узявся и як розвивавсь, Київ, 1925, стр. 84—86; см. также М. Ф. Ахундов. Избранные художественные произведения. Редакция и комментарии Азиза Шарифа, Баку, 1950; Н. В. Гоголь и азербайджанская литература сборник, Баку, 1952.

² Театр в Тифлисе с 1845—1856 г. Тифлис, 1888, стр. 197.

знал Гоголя не только по этой постановке. Как справедливо указывает М. Рафили, Ахундов читал Гоголя, а также был хорошо знаком с современной ему русской литературой.¹

Первой пьесой Ахундова, написанной в 1850 г., является «Молла Ибрагим-Халил алхимик, обладатель философского камня». Это пьеса о ловком мошеннике, выдававшем себя за человека, способного с помощью одного золотника чудодейственного эликсира превратить пуд меди в чистое серебро. Герой пьесы без всяких усилий со своей стороны, ловко используя невежество, алчность и глупость нухинцев — купца, помещика, лекаря и других, присваивает себе пять тысяч рублей. Это, казалось бы, совершенно оригинальный сюжет, однако примечательно начало комедии:

«Гаджи Керим: Знаете ли вы, зачем я пригласил вас? Мешеди-Джаббар. Нет, не знаем.

Гаджи Керим. Я хотел сообщить вам интересную новость. Говорят, Молла Ибрагим-Халил халдакский, получив в Тифлисе разрешение, приехал в Хачмаз и, обосновавшись в горах, занялся алхимией».²

Эти слова невольно вызывают в памяти начальные слова гоголевского «Ревизора». Да и в образе главного героя, в той ловкости, с которой ему удастся провести недалеких нухинцев, можно увидеть влияние гоголевских персонажей, действующих в другой национальной и социальной среде и обстановке.³

Первый перевод двух пьес Ахундова, принадлежащий азербайджанцу Мирзе Джафару Караджадаги, появился в Иране на персидском языке в конце 60-х годов. В 1874 г. им же были изданы все пять пьес. Комедии Ахундова, являющиеся острой сатирой на современные ему нравы феодального общества, благодаря превосходному переводу сразу же завоевали симпатии иранских читателей. Сам Ахундов внимательно следил за работой переводчика.⁴ Чрезвычайно большой интерес представляет предисловие переводчика, который развивает мысль Ахундова о том, что смех является наиболее действенным средством в борьбе с пороками. Он пишет, что целью перевода комедий Ахундова на персидский язык является усовершенствование нравственности с помощью сати-

¹ М. Рафили. Н. В. Гоголь и азербайджанская литература, в сборнике Н. В. Гоголь и азербайджанская литература, Баку, 1952, стр. 13; ср. также Литература азербайджанских татар, сост. Фридуна бек Кочарлинский, Тифлис, 1903, стр. 32.

² М. Ф. Ахундов. Избранные художественные произведения, стр. 27—28.

³ Ср. М. Рафили, ук. соч., стр. 19—21.

⁴ А. М. Шойтов. Роль М. Ф. Ахундова в развитии персидской прогрессивной литературы (автореферат). М., 1951 г., стр. 7.

ры. Затем он пишет, что старался переводить живым народным языком, чтобы от чтения этих комедий могли извлечь пользу даже неграмотные люди; а также дети, изучая родной язык в школе, понимали бы, что они читают, и это поощряло бы их учиться.

Перевод пьес Ахундова вскоре привел к появлению оригинальных комедий персидского просветителя XIX в. Мирзы Мальком хана (1833—1908), с которым Ахундов был в дружеских отношениях.¹

II

Период иранской буржуазной революции явился одним из значительных этапов в развитии персидской литературы.

Именно в этот период в Иране появляются первые переводы русской литературы на персидском языке. С 1908 по 1913 гг. в Реште, Тавризе и Тегеране выходит ряд переводов назидательных, так называемых народных рассказов Л. Н. Толстого.

В 1910 г. в органе демократической партии «Иран-е ноу» (Новый Иран) по различным случаям были помещены несколько басен Крылова («Квартет»,² «Слон и Моська»³). Очевидно, в 1911—12 гг. появляется на персидском языке первый перевод из Горького «Часы».

Имя Н. В. Гоголя, великого русского драматурга, уже в это время было хорошо известно на Востоке.

Редактор замечательного по своим прогрессивным идеям и оказавшего большое влияние на развитие иранской публицистики азербайджанского журнала «Молла Насреддин» (1906—1932), выдающийся азербайджанский писатель Джафил Мамед Кули-заде (1869—1932), находился под влиянием Гоголя, творчество которого отразилось в некоторых его литературных произведениях. В 1907 г. им был написан рассказ «Курбан Али бек». В виде эпиграфа к этому рассказу писа-

¹ О том, что этот перевод был одним из первых драматургических произведений на персидском языке, явствует из того же предисловия. Здесь содержатся любопытные указания исполнителям относительно живого произношения, о том, что исполнитель всегда должен помнить, что перед ним зрители и поэтому говорить внятно и выразительно и, наконец, о том, что авторские ремарки следует не читать, а исполнять («в некоторых местах имеются пометки, напр.: становится на колени или плачет, этого не следует произносить»), также слова следует произносить с соответствующей интонацией («где надо удивляться — там удивляться, где надо выразить испуг или боязнь, там это надо выражать. Армянские или европейские слова следует произносить по-армянски и по-европейски»).

² См. E. V. Gowne. The Press and Poetry of Modern Persia. Cambridge, 1914, стр. 52.

³ «Иран-е ноу», 23 апреля 1910 г., стр. 3.

тель поместил следующие слова: «Да благословит бог твою память, Гоголь».¹ В самом рассказе содержатся мотивы, сближающие его с «Коляской» Гоголя.

В театрах Тбилиси, Еревана, Баку и других крупных центров Закавказья с успехом шел на русском и восточных языках «Ревизор» Гоголя. Выше говорилось о том, что в Тбилиси «Ревизор» шел уже в театральный сезон 1855—56 гг. Первая постановка «Ревизора» на армянском языке относится к 1892 г. В конце XIX в. «Ревизор» также ставился и в Баку. Комедия «Мертвецы» Джалила Мамед Кули-заде, прозванного «азербайджанским Гоголем», написана под сильным влиянием «Ревизора».²

В 1912 г. «Ревизор» появился в Иране на персидском языке и на персидской сцене. В это время в Иране уже существовал театр, хотя это были еще только первые его шаги. Некоторые попытки в организации театра были сделаны еще раньше Наср-эд-дин шахом (1848—1896) после его возвращения из России и Западной Европы. В середине 70-х годов XIX в. Наср-эд-дин шах велел одному из преподавателей высшей светской школы — Дарульфунуна, Мирза Али Акбар хану Мозаян од-Доуле (ум. в 1935 г.) организовать театр. Тогда в зале этой же школы было поставлено несколько пьес Мольера.³ Но этот театр просуществовал недолго. Как указывал д-р Хонлари в своем докладе на первом конгрессе иранских демократических писателей (июнь 1946 г.),⁴ в условиях исключительного фанатизма и реакции, господствовавших тогда в Иране, конечно, не было никаких возможностей и условий для развития театра.

В период буржуазной революции 1906—1911 гг. было организовано театральное общество «Фарханг» (Культура), но оно просуществовало недолго. После его распада было организовано новое общество из числа некоторых членов общества «Фарханг» под названием «Театр-е мелли» — национальный театр. Председателем этого общества был Абдол Керим Хан Мохакк од-Доуле (ум. 1916—1335 г.), автор ряда исторических пьес «Кир великий», «Джемшид» и другие, поставленных этим театральным обществом. Кроме того,

¹ Джалил Мамед Кули-заде. Избр. произведения. Пер. с азербайджанского. Вступительная статья и примечания Азиза Шарифа, под редакцией П. Н. Лукницкого, Баку, 1950.

² Джалил Мамед Кули-заде. Избр. произведения. Баку, 1950. — О влиянии Гоголя на Джалила Мамед Кули-заде см. подробно: М. Рафили, ук. соч., стр. 25—52.

³ Рашид Ясеми. Адабят-е Маасер (Современная литература), Тегеран, 1937, стр. 129 (на перс. яз.).

⁴ Нохостин конгрее напесандаган-е Эран (Первый конгресс иранских писателей), Тегеран, 1947 (на перс. яз.).

в Иран приезжали армянские и азербайджанские артисты из России.¹ В 1908 г. в Иране издавалась газета «Театр», в которой печатались сатирические комедии, высмеивающие деспотический режим.

Однако пьесы, которые ставились в Иране, были исторического содержания или фантастическими. Первой реалистической, современной пьесой, поставленной в иранском театре, был «Ревизор» Гоголя.²

Сохранилось довольно подробное описание первых постановок «Ревизора». В газете «Рампа и жизнь», 1912, № 17, помещена заметка «„Ревизор” в Тегеране». Ввиду большого интереса, который представляет для нашей темы эта заметка, мы считаем целесообразным привести ее целиком:³ «Старая Персия никогда не имела театра...⁴ и лишь ограничивались сценами из религиозной поэзии. Персидскому принцу Надер мирзе и К° пришла мысль перевести с русского языка бессмертную пьесу Гоголя „Ревизор”, который был поставлен на подмостках персидского балагана. Конечно „театр” был переполнен. Каждый акт пьесы сопровождался сильным хохотом и аплодисментами граждан пробудившегося Ирана. День постановки первой русской пьесы был историческим днем для тегеранцев... и пьеса имела грандиозный успех.

Во время представления один из членов политической партии в меджлисе, обращаясь к одному бывшему сатрапу, сказал: „Сударь, неправда ли, что в этой пьесе... что-то близкое, родное”... Сатрап сильно смутился... и ретировался. Вообще „Ревизор” не понравился чиновникам, оставшимся без дела после изгнания экс-шаха. Была даже попытка... сорвать спектакль. В спектакле принимали участие любители... армяне из Баку. Женские роли — жены Сквозника-Дмухановского Анны Андреевны и дочери его Марьи Антоновны исполнили и провели очень удачно две бакинские актрисы-армянки. Игра мужского персонала была ниже среднего... и исполнение было даже ниже любительского. Отсутствовало всякое понятие гг. „артистов” о своих ролях и т. д.

Несмотря на такие дефекты... и неаккуратное отношение к пьесе, «Ревизор» в постановке тегеранцев имел грандиозный успех у зрителей-персов.

Постановка «Ревизора» в присутствии «царя царей» во дворце отличалась большой художественностью... и почти отсутствовали те дефекты, которые замечались в первой

¹ Рашид Ясеми, ук. соч., стр. 127.

² История колониальных и зависимых стран. М., 1940, стр. 532.

³ Знакомством с этой заметкой я обязана любезности проф. М. П. Алексеева, за что и приношу ему свою благодарность.

⁴ Все многоточия, приводимые в статье, имеются в оригинале.

постановке в здании балагана. Его величество Султан Ахмед шах выразил благодарность устроителям за доставленное художественное наслаждение.¹

Граждане пробудившегося Ирана проявляют теперь большой интерес к театру, а персидская молодежь, получившая образование в России, учла этот интерес и вырабатывает репертуар русских пьес для постановки в Тегеране. Пока остановились на Гоголе и Островском. Разразившаяся в стране анархия... прекратила на время деятельность этого нового театрального кружка... и теперь, как мне известно из писем корреспондентов, первый персидский кружок деятелей для создания персидского театра возобновил свою деятельность и продолжает свою плодотворную работу для создания для граждан конституционной Персии театра.²

К сожалению, мы не имеем этого первого перевода «Ревизора» и не можем судить о нем. Но, несомненно, постановка «Ревизора» в то время в Тегеране, как справедливо указывает автор заметки, была важным этапом в развитии персидского театра.

30-е и 40-е годы в персидской литературе ознаменовались борьбой за реализм против искусственности, безидейности, борьбой за живой язык. Знаменем этой борьбы, путеводной звездой прогрессивных иранских писателей стала переводная русская классическая и советская литература. Именно в 30-х, и особенно в 40-х годах, в период второй мировой войны и после ее завершения, появились на персидском языке многочисленные переводы с русского языка произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Л. Н. Толстого, Чехова, Горького, Тихонова, Фадеева, А. Н. Толстого, Эренбурга и многих других писателей.

Персидский театр и драматургия развиваются в крайне неблагоприятных условиях. Многие препятствия, стоящие на его пути, не устранены и сейчас. Совсем недавно получили доступ на сцену для исполнения женских ролей персидские женщины, театры не имели и не имеют никаких государственных субсидий и поэтому находятся в весьма тяжелом материальном положении, что сказывается и на костюмах, и на реквизите, и, вообще, на всем театре и его артистах.³

Такая же борьба развернулась за подлинно реалистический театр. Одним из наиболее крупных деятелей современного пер-

¹ Султан Ахмед шаху (1909—1925) в это время было 15 лет.

² «Рампа и жизнь», 1912, № 17, стр. 11.

³ Абдол Хосейн Нушин. Театр-е Эран (Театр Ирана): «Пеймане ноу» № 9, 1324 г. (1945), год издания первый.

сидского театра является член Народной партии Ирана Абдол Хосейн Нушин, артист и режиссер, руководитель театра им. Фирдоуси. Он является также драматургом, автором пьесы «Хорусе сахар» (Первые петухи), написанной под влиянием пьесы Горького «Враги»¹ и переводчиком пьесы Горького «На дне».

Нушин последовательно боролся за идейность репертуара, за мастерство и культуру исполнения, за живой, выразительный, реалистический язык.² Именно Нушином в 1945—46 гг. и был поставлен в Тегеране «Ревизор» Гоголя.

Перевод «Ревизора» (Базрас) был осуществлен членом Народной партии Ирана Шамиде и выпущен издательством Народной партии («Тудее Эран») в 1944 г. Подробная рецензия на этот перевод была помещена в первом номере журнала «Пеяме ноу» (июль—август 1944), издаваемого иранским обществом культурной связи с СССР.

Автор рецензии, писатель Садек Хедаят, указывает на то, что персидская литература прежде всего нуждается в переводах лучших произведений иностранной литературы, как древней, так и современной; он пишет, что имеющиеся в персидской литературе переводы крайне недостаточны и, кроме того, зачастую неудовлетворительны.

«Ревизор», — пишет он, — одно из выдающихся (шāхкār произведений известного русского писателя Гоголя и нужно выразить искреннюю благодарность Шамиде, переведшему эту пьесу на персидский язык. Эта пьеса, — говорится дальше в рецензии, — является едкой и острой сатирой на общество и государственное управление, современное писателю. В то тяжелое время процветали воровство, грубость, обман, подхалимство, лесть, взяточничество, цинизм, тупоумие, пьянство, обжорство, сутяжничество, деспотизм. Писатель с большим мастерством рисует и высмеивает всех этих чиновников, одного за другим, производя громадное, незабываемое впечатление на зрителя или читателя. Чтение «Ревизора» для каждого иранца обязательно, — заканчивает автор первую часть своей рецензии.

¹ Анализ этой пьесы дан в диссертации З. Г. Фильштинской «Горький и прогрессивная персидская литература». Автореферат, М., 1951. В рецензии на эту пьесу в журн. «Пеяме ноу» (№ 9, 1926—1947) рецензент хорошо отзывался об этой пьесе, в которой раскрывается тема классовой борьбы между рабочими и фабрикантами. По мнению рецензента, пьеса правдиво отражает современную жизнь рабочих и предпринимателей.

² В прогрессивном журнале «Сохан» (Слово) № 7 за 1945 г. была напечатана статья, в которой высоко оценивается роль Нушина в развитии современного театра (стр. 491—492).

Вторая часть рецензии посвящена разбору самого перевода. Автор пишет, что перевод Шамиде простой, переводчик употребляет народные слова и выражения. Однако нельзя сказать, чтобы перевод был безупречен, лишен недостатков. Автор справедливо указывает на то, что переводчик злоупотребляет современными словами и выражениями, хотя не следует забывать, что все эти чиновники не только избегают употреблять простые слова, но, напротив, стараясь подчеркнуть свою принадлежность к высшим образованным классам, употребляют вычурные слова, а иногда даже и французские.

Наряду с этим переводчик употребляет такие выражения, «которые приводят читателя в изумление». Далее автор приводит наиболее характерные примеры искажений гоголевского текста:

Гоголь	Перевод Шамиде	Перевод на русский язык
О с и п: Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы.	Месл-е ин ке ек лаш-кар-е моторизе дар харакат аст.	как будто движется моторизованная дивизия.
О с и п: Кеатры, собаки тебе танцуют и все, что хочешь.	театр хаст, синема, ми́хахи беров, кафе хаст сагха́ хам барайе́ адам ми́раксанд.	есть театр, кино, хочешь иди, есть кафе; собаки там для людей танцуют.
Х л е с т а к о в: Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа.	Супра́ хам ке ба тай-аре аз Ам́рика́ барайе́ ма́ миаваран.	Суп также самолетом доставляют для меня из Америки.

Этих примеров совершенно достаточно для того, чтобы показать, как автор модернизировал Гоголя. Кроме того, как это нередко бывает свойственно и другим переводчикам с русского языка на персидский, Шамиде вводит от себя целые фразы, отсутствующие в русском тексте или же, наоборот, пропускает отдельные отрывки. Таким образом, этот перевод страдает многими существенными недостатками. Автор упомянутой выше рецензии указывает на то, что все эти недостатки должны быть учтены и исправлены при втором издании.

Комедия Гоголя в Иране оказалась чрезвычайно актуальной и современной. Пороки, с такой беспощадностью обнаженные в этой комедии великим драматургом, до сих пор распространены в жизни этой страны. Поэтому так убедительно зазвучала эта комедия, исполнявшаяся по тегеранскому радио в дни второй мировой войны, как будто она была написана в Иране, для Ирана и в наши дни.

III

Кроме «Ревизора» на персидский язык были переведены и другие произведения Гоголя; правда, число их не может сравниться с количеством переводов таких русских писателей, как Пушкин, Чехов, Толстой и Горький.

Несомненно, что произведения Гоголя с их сочным и колоритным языком, обилием диалогов и монологов, пересыпанных украинскими словами и выражениями, представляют немалую трудность для перевода их на персидский язык.

Переводчик русской литературы прежде всего должен хорошо знать русский язык, но в Иране с давних пор установилась традиция переводов не с языка оригинала, а с любого другого языка, известного переводчику. Незнание языка оригинала вовсе не служило препятствием для перевода.¹

Проф. Е. Э. Бертельс, перечисляя авторов, переведенных на персидский язык за пятьдесят лет, указывает, что многие переводы были сделаны не с языка оригинала, а с того языка, какой был известен переводчику, главным образом с французского.²

Многие произведения русской литературы также переводились с самых различных языков. Так, произведения Л. Н. Толстого переводились с турецкого, арабского и французского языков, также с французского и английского языков сделаны некоторые переводы Пушкина, Чехова, Горького и других писателей.

Правда, за последние годы, именно под влиянием переводов русской литературы это положение значительно изменилось. Заметный сдвиг в области переводческого мастерства

¹ Садек Хедаят и Фарзад в сатирической книжке «Ваг, ваг сахаб», («Господин Гав Гав»), вышедшей в Тегеране в 1938 г., высмеивая подобных переводчиков, так характеризует те немногие условия, которые нужны любому человеку, чтобы стать переводчиком: «Поскольку ты несколько месяцев посещал школу и научился нескольким иностранным словам настолько, чтобы суметь прочесть имя писателя, название книги или статьи, то ты можешь причислить себя к известным переводчикам. Постарайся лишь узнать, кто автор книги и о чем она и тогда пиши от имени автора все, что тебе вздумается, и опубликуй все это под его фамилией. Между прочим, стремись собрать из всех социальных, философских, научных статей или из сказок пьес и романов Мишеля Зевако (французский писатель, автор популярных в Иране авантюрных романов.—А. Р.), Виктора Гюго, Альфреда де Мюссе, Мориса Леблана, Ламартина и им подобных побольше волнующих лирических выражений как, напр., „ах, ах“, „пламенная любовь“, „нежный вздох“, „каменное сердце“, „лунный свет“ Они должны украсить твои произведения. Если ты все так сделаешь, то завоюешь сердца всех уважаемых и почтенных читателей».

² Е. Э. Бертельс. Персидский исторический роман XX в. Сб. «Проблемы литературы Востока». Труды Института востоковедения АН СССР, Л., 1932, стр. 114—115.

произошел в годы второй мировой войны и особенно в послевоенный период. Журнал «Пеяме ноу» в своем библиографическом отделе помещает рецензии на все наиболее значительные переводы с русского языка, причем особое внимание уделяется языку перевода. О том значении, которое придается в Иране в среде прогрессивной интеллигенции качеству переводов, свидетельствует объявленный газетой «Мардом-е Аддине» в 1948 г. конкурс на лучший перевод.

Другой особенностью переводной литературы в Иране является переделка переводного произведения на свой иранский лад.

Видимо, подчиняясь этой традиции, Константин Тагаев, переводчик на персидский язык произведения Гоголя «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», переделал знаменитых героев этой повести одного в Хасана, а другого — в Хосейна. Повесть эта вышла в 1943 г. в Москве под заглавием: «Че гоне хаджи Хасан ва хаджи Хосейн б'ахам каҳр карданд» — «Как поссорились хаджи Хасан и хаджи Хосейн». Вряд ли можно признать удачной подобную переделку одного из классических произведений русской литературы. К счастью, подобных примеров в области переводов русской литературы не так уж много.

В ряде номеров журнала «Пеяме ноу» за 1945 г. был помещен перевод повести Гоголя «Портрет».¹ Этот перевод принадлежит Реза Азерахши, который также перевел на персидский язык ряд произведений А. М. Горького.

В небольшом предисловии к «Портрету» излагается биография Гоголя, однако она отличается краткостью, автор ограничивается лишь перечислением произведений Гоголя, не остановившись даже на «Ревизоре». Очень бегло сказано здесь и о «Мертвых душах»; автор упоминает лишь, что это наиболее крупное сочинение Гоголя, которому русский писатель посвятил значительную часть своей жизни. Напротив, автор уделил много места интересу Гоголя к украинской истории и борьбе Украины за свою независимость. Неверно указана также дата смерти писателя — 1842 год.

Сама повесть «Портрет» переведена непосредственно с русского языка, о чем свидетельствует точность перевода. Переводчик правильно передает русские имена, собственные и географические названия. Однако отдельные промахи имеются и в этом переводе. Некоторые трудные для переводчика наименования, редкие и местные слова он вовсе опускает или передает неверно. Например: «фризовая шинель» переводится

¹ «Пеяме ноу», 1945, № 8, № 9, первый год издания, № 10, № 11, второй год издания.

как «запятнанная шинель» — «пальту-е алāматдār»; «торговка охтенка» как «Торговка вразнос» — «зан-е дастфоруш»; фраза — «старые лакеи во фризových шинелях смотрят потому, чтобы где-нибудь позевать» переведена очень приблизительно: «старые слуги в запятнанных пальто смотрят лишь для того, чтобы провести время и зевать» (буквально: хамьязе бекашанд). Однако в целом этот перевод несомненно доброкачественный; переводчик стремился передать стиль автора. Приведем для иллюстрации небольшой отрывок, содержащий описание портрета.

Гоголь: «Это был старик с лицом бронзового цвета, скулистым, чахлым; черты лица, казалось, были схвачены в минуту судорожного движения и отзывались не северною силою. Пламенный полдень был запечатлен в них. Он был драпирован в широкий азиатский костюм. Как ни был поврежден и запылен портрет, но когда удалось ему счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника. Портрет, казалось, был не кончен; но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза: казалось, в них употребил всю силу кисти и все старательное тщание свое художник. Они, просто, глядели даже из самого портрета, как будто разрушая его гармонию своею странною живостью. Когда поднес он портрет к дверям, еще сильнее глядели глаза. Впечатление почти то же произвели они и в народе. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: „глядит, глядит“, — и попятилась назад».

Перевод с перевода:

«Это было изображение старика, лицо которого было медно-го (мес) цвета, он имел выступающие скулы и был очень худым: черты лица как будто были нарисованы при судорожном движении и видна была сила, которая не присуща северу (северным областям — манāтек-е шемали). Пламенный горячий полдень отражался на этом лице. Одет он был в широкое азиатское платье. Как бы ни был поврежден и запылен портрет, когда художник очистил его от пыли и грязи он увидел следы работы высокого художника (асар-е қалам-е ва кār-е остад-е āлимакām-е ра мошāхеде намуд). Казалось, что портрет не закончен. Но сила кисти была удивительной; самым удивительным были глаза его. Как будто художник вложил всю силу, всю серьезность и внимание своего мастерства. Эти глаза смотрели прямо из самого портрета, как будто это были живые глаза и их живой взгляд как будто нарушал гармонию этого портрета (месл-е ин ке чашмхā-йе зенде буданд ва негāх-е зенде-йе āнхā ҳам аҳанг-е тамām-е āн наққаширā зae, минāmуд). Когда он поднес портрет к дверям, глаза стали

смотреть еще с большей силой. Повидимому это же впечатление они производили и на других. Женщина, стоявшая за художником закричала: «глядит, глядит» и попятилась назад.

В предисловии к переводу «Портрета» объясняются мотивы, по которым избрано именно это произведение великого русского писателя. Эта повесть, — пишет переводчик, — до некоторой степени связана с Востоком (та хадд-е джанбе-йе шарқи дарад).

Напомним, что в этой повести одно из главных действующих лиц — оригинал портрета — действительно представлен в виде человека, происходящего с Востока: «Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно он был нации: индеец, грек, персианин, об этом никто не мог сказать наверно» — так описывает его автор.¹

Другого перса выводит Гоголь в «Невском проспекте» — владельца магазина шалей, у которого художник Пискарев покупает опиум: «Персианин принял его, сидя на диване и поджавши под себя ноги: „На что тебе опиум?“ — спросил он его. Пискарев рассказал ему про свою бессонницу. «Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу, чтоб хорошая была красавица! чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы лежала возле нее и курила трубку! слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица».

В повести «Портрет» Гоголь упоминает и о персидском принце Хосров-Мирзе («К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хосрова-Мирзы в бараньей шапке...»). Об этом же принце пишет Гоголь и в «Носе»: «Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там, что когда еще проживал там Хосров-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы». Эти повести Гоголя были написаны в период с 1833 по 1834 г. и, как известно, впервые напечатаны в «Арабесках» (1835 г.). В то время еще не ослаб интерес, вызванный в Петербурге к персидскому принцу Хосров-Мирзе (1813—1875), возглавлявшему дипломатическую миссию, посланную персид-

¹ Прототип ростовщика в «Портрете» — индус Моджерама-Мотомалов, о котором подробно рассказывал П. А. Каратыгин (Записки, т. I. Изд. Academia, Л., 1929, стр. 264). «Весьма вероятно, что Пушкин подсказал Гоголю мысль вывести в рассказе ростовщика-индуса», замечает М. А. Цявловский (Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя. «Звенья», т. V, 1950, стр. 18).

ским шахом Фетх Али шахом ко двору Николая I с извинениями по поводу убийства русского полномочного министра в Персии, великого русского писателя А. С. Грибоедова. Миссия пробыла в Петербурге с 6 августа по 18 октября 1829 г.

Воспоминания современников рисуют Хосров-Мирзу, внука Фетх Али шаха и сына Аббаса Мирзы, как очень привлекательного юношу 16—17 лет.¹

Николай I вполне удовлетворился извинениями и сопровождавшими эти извинения ценными подарками и в свою очередь одарил как самого Хосров-Мирзу, так и сопровождавших его лиц.² Хосров-мирза стал «моден». Его всячески развлекали, приглашали в различные дома, он бывал на гуляньях, в частности и в Таврическом саду, так как жил в Таврическом дворце.³ Об этом и упоминает Гоголь. Был Хосров-Мирза и в театре, и на одном из спектаклей П. А. Каратыгин — актер-комик и водевилист, автор интересных записок, довольно ярко и правдиво отражавших культурную и театральную жизнь 30 и 40-х годов прошлого столетия, — нарисовал его портрет: «Портрет был показан принцу и он был в восхищении, — пишет Каратыгин (литографированные его портреты появились тогда гораздо позднее). Персидский министр и прочие чиновники его свиты ахали и изумлялись, не понимая, конечно, ни на волос художества, они от удовольствия гладили свои длинные волосы и вроде Хаджи-бабы⁴ начали друг за

¹ «Он был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенно приятную улыбку; держал себя с достоинством, обладал живостью в разговоре и был замечательно приветлив в обхождении» (А. П. Берже. Хосров-Мирза. «Русская старина», 1879, т. XXV, стр. 414).

² В свите Хосров-Мирзы был его воспитатель поэт Фазыл-хан, встречу с которым так красочно описал А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум». Ему же он посвятил стих «Благословен и день и час...» (См. А. З. Розенфельд. А. С. Пушкин в персидских переводах).

³ «Северная пчела», 1829, 6 августа, № 94. М. Розанов. Персидское посольство в России 1829 г. Русский архив, 1889, кн. I, стр. 209—260.

⁴ Хаджи баба — главный герой широко популярного в те годы романа английского писателя Морьега «Похождения Мирзы Хаджи бабы Исфгани» в переводе О. Сенковского. СПб., 1831, 1832, 1845. Автор настолько верно передал быт, нравы и характеры персов, что когда этот роман много позднее был переведен на персидский язык, никто из персов не хотел верить тому, что это переводное, а не оригинальное произведение. Удачный перевод Сенковского, старавшегося и на русском языке сохранить стиль и манеру оригинала, обеспечил успех этого произведения в Петербурге вскоре после отъезда персидской миссии. Неслучайно поэтому, что и в «Носе» нашли отражение некоторые детали из этого романа, пародийно использованные Гоголем. (См. Н. В. Гоголь. Полное собр. соч., т. III, 1938, Примечания, стр. 657).

другом повторять: „Аллах! Маш Аллах!“ и положили в свои рты пальцы от удивления».¹

Литографированные портреты Хосров-Мирзы впоследствии распространялись в большом количестве и дошли до нас в различных публикациях. Хосров-Мирза обычно изображался в высокой бараньей шапке, как и упоминает об этом Гоголь.

Таким образом, в творчестве великого реалиста Гоголя, нарисовавшего своим гениальным пером картины современной ему петербургской жизни, отразилась и эта страница истории русско-иранских дипломатических отношений; следует еще указать на то, что поездка персидской миссии в Россию явилась важным этапом в истории и развитии культурной жизни отсталого Ирана. Достаточно сказать, что первую персидскую газету начал издавать в Тавризе в 1837 г. Мирза Салех, входивший в состав указанной миссии.

Кроме «Портрета» и «Ревизора» в персидской литературе имеется также перевод «Тараса Бульбы», осуществленный Шафи Мадани и выпущенный в свет издательством Афшари. К сожалению, нам не удалось видеть этот перевод, и мы не можем судить о его достоинствах или недостатках. В Тавризе в 1947 г. обществом культурной связи с СССР была выпущена книжка «Николай Гоголь — великий русский писатель». В эту книжку вошли биография писателя и рассказ «Пропавшая грамота». В журнале «Пеяме ноу»² была помещена положительная рецензия на эту книгу. В рецензии говорится о значении Н. В. Гоголя в истории русской литературы: «Гоголь своими произведениями сыграл громадную роль в развитии русской общественной мысли («ба пишрафт-е эджтемае-йе»). «Русия» Он никак не мог закрыть глаза на те тяжелые условия, в которых жил русский народ (букв. несчастья и мерзости — фасад ва бадбахти). В своих произведениях он и отражал эту сторону социальной жизни России. Советские люди также высоко ценят Гоголя и с наслаждением читают его произведения».

Насколько нам известно, по тегеранскому радио в 1944 г. передавалась повесть «Шинель» в переводе Мохаммеда Аси-ма, которому принадлежит также большое количество переводов Чехова на персидский язык. Дальнейшая судьба этого

¹ П. А. Каратыгина. Записки, т. I, Л., 1929, стр. 284. Там же воспроизведен портрет Хосров-Мирзы. Характеристику П. А. Каратыгина как художника дает М. Барановская: «Его карандаш и кисть сохранили нам черты ряда писателей и деятелей артистического мира, участников общественного движения эпохи». («Грибоедов и его современники в зарисовках П. А. Каратыгина». Литературное наследство, т. 47—48 А. С. Грибоедов. М., 1946).

² № 11, год издания третий за 1947 г. (1326 г.).

перевода нам неизвестна. Этим и исчерпываются наши сведения о переводах Гоголя на персидский язык.

В обзорной статье, посвященной русской литературе, доктора Фаяза, председателя литературной секции Мешхедского отделения Иранского общества культурной связи с СССР,¹ — говорится о том, что в начале своего творчества Гоголь был романтиком. Образцом его романтизма является его книга «Вечера на хуторе близ Диканьки», но затем он пришел к реализму. В своих произведениях он рисовал своих земляков — украинцев и родную украинскую природу. Поиски правды у Гоголя — пишет автор — сочетаются с глубоким юмором; лучшими образцами этого служат «Ревизор» и «Мертвые души».

Недавно в Тегеране вышел специальный номер журнала «Пеяме ноу»,² приуроченный к столетней годовщине со дня смерти Н. В. Гоголя. Весь номер целиком посвящен памяти Гоголя. Очерк жизни и творчества Гоголя под заглавием «Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь» является докладом Казема Ансари, прочитанным им на заседании Иранского общества культурной связи с СССР 4 марта 1952 г. В номере помещены переводы трех произведений Гоголя: «Пропавшая грамота» («Намёйе гомшодё») перевод Сеида Нафиси, 2-я глава из поэмы «Мертвые души» («Нофусе, морде») перевод Ансари и «Старосветские помещики» («Мэлекине қадим») в переводе Дарья. Перевод даже одной главы «Мертвых душ», несомненно, большое событие в литературной жизни Ирана, ибо он впервые знакомит иранского читателя с этим произведением. Следует отметить, что перевод сделан очень близко к оригиналу. Казему Ансари принадлежит ряд весьма удачных переводов произведений русских классиков: «Пиковая дама» Пушкина, «Хорь и Калиныч» Тургенева, «Палата № 6», «Человек в футляре», «Невеста» и другие рассказы Чехова, «Коновалов», «Челкаш», «Страсти-мордасти» и «Дело Артамоновых» Горького.

Что касается других двух переводов, помещенных в юбилейном гоголевском номере «Пеяме ноу», то они страдают рядом недостатков. Приведем лишь один пример непонятого переводчиком Дарья отрывка из «Старосветских помещиков».

Гоголь: «...и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилье и увижу кучу развалившихся хат, заглохший сад, заросший пруд на том месте, где стоял низенький домик — и ничего более. Грустно! Мне заранее грустно!»

¹ «Пеяме ноу» № 2, год издания первый (1323) 1944 г.

² «Пеяме ноу», март — апрель 1952 г. (1331 г. фарвардин месяца) пятый период издания.

Перевод с перевода: «Но всякий раз, когда судьба моя приводит меня к их дому и когда я вижу остатки кухни (?), хат и место их дома, где теперь построено что-то другое (джа-йе хана-ей ке акнун чизе дигаре бенā шоде аст), меня охватывает чувство жалости...» Это не только не приблизительный, но просто искаженный перевод. Такие места имеются и в других частях перевода.

В заключении номера помещен перевод письма Белинского Гоголю, которому предшествует небольшое предисловие от редакции. В этом предисловии даются некоторые пояснения о причинах появления «Письма» Белинского, а также говорится о роли и значении Белинского. К сожалению, автор предисловия не приводит известной оценки В. И. Ленина «Письма» Белинского, очень важного и для современного иранского демократического читателя: «Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное живое значение и по сию пору». (Собрание сочинений, изд. 4, т. 20, стр. 223—224).

Во всяком случае выход в свет номера «Пеяме ноу», посвященного Гоголю, в юбилейные дни — большой вклад в дело укрепления русско-иранских культурных связей и является также своевременным откликом на Обращение Всемирного Совета Мира о праздновании столетнего юбилея Гоголя.

На юбилей Н. В. Гоголя откликнулись также и другие прогрессивные органы печати и тегеранская общественность. Как сообщает газета «Бе суе аянде» («К будущему») в марте 1952 г., журнал «Кабутар-е солх» («Голубь мира») посвятил свой 20-й номер юбилеям Н. В. Гоголя и Виктора Гюго. В газете «Бе суе аянде» помещен отчет о юбилейном праздновании в честь Н. В. Гоголя, состоявшемся в Тегеране в Доме Мира (Хане-йе Солх) 23 марта 1952 г. После докладов о жизни и творчестве Гоголя был зачитан отрывок из повести «Записки сумасшедшего» (Яддаштхāе ек дивāне).¹

Подводя итоги, можно сказать, что хотя творчество великого русского реалиста Гоголя и нашло отклик в Иране, там же как и творчество других русских писателей, тем не менее для ознакомления широких демократических слоев Ирана с его творчеством сделано все же очень мало, особенно если учесть, что из всей поэмы «Мертвые души» переведена лишь одна глава. Наиболее важное значение для персидской литературы и драматургии, как мы пытались показать, имеет перевод на персидский язык комедии «Ревизор» и постановка ее на персидской сцене.

¹ Этими сведениями я обязана любезности сотрудника Государственной библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина К. С. Ткачева, за что и приношу ему искреннюю благодарность.